

ТАЙДОН

Газета выходит с 1932 года.

№ 31 (6646)

ПЯТНИЦА, 21 АПРЕЛЯ 1995 ГОДА.

ЦЕНА 196 руб.

50-летию Победы посвящается

Далекое - близкое

Апрель... Что-то грохнуло вдалеке, вспугнув с голой березы стайку повеселевших с весной воробьев. Ещё грохнуло. На гром не похоже. Взрыв? Да. То человек, применив малую дозу взрывчатки, помогает реке освободиться от ледового панциря. Это нынешний апрель. Мирный.

А был и другой. Апрель 45-го. Когда люди, стоявшие по обе стороны войны, чувствовали: конец предпрешен. Пришедший с мечом от меча и погибал. Но последние взрывы, последние выстрелы, последние укусы врага уносили жизнь тех, кого так ждали дома. По всей России. По всему Кузбассу. Даже получив похоронки, в селах и деревнях Крапивинского района ожидали чуда: а вдруг вернется муж на счастье? А вдруг про сына ошиблись черной вестью? А может, брата перепутали с кем-то другим?

И возвращались! Шершавыми солдатскими ладонями прикасаясь к таким же - шершавым и трудовым. И радовались победе все: дело было правое и потому победили.

А кто-то - в степи. А кто-то - в кургане... В чужой земле. И только метели над ними голосят. И только трава грустит. И только рыдают ливни. Иваны, Петры, Николаи, Василии... Остались ещё люди, помнящие вас! Это о вас клокочут дымами экраны в кинозалах, где в эти дни часто демонстрируются фильмы о событиях военных лет. Это о вас поет тоскливый голос: "Здравствуй, мама, возвратились мы не все..."

И тревожные сны в оставшиеся перед майскими торжествами ночи сняты живым. И маршалам войны, и рядовым. Чернорабочим войны. Таких в нашем районе несколько сотен. Тех, кого район будет чествовать с признательностью и благодарностью. С 14 апреля в населенных пунктах района начались торжественные собрания ветеранов войны, на которых им вручают юбилейные медали "50

лет Победы в Великой Отечественной войне".

Вклад районной газеты в дело чествования ветеранов войны и труда скромно и мал. По нашим силам - публикация рассказов о земляках, воевавших на фронтах той войны, работавших в тылу, приближавших день Победы. Неоценимую помощь оказывают при этом наши внештатные авторы, читатели газеты. Вот уже полгода рубрика "К 50-летию Победы" не сходит со страниц районки. А сегодня внеочередной выпуск газеты, все публикации посвящены славной дате и людям, опаленным войной.

О том, как девочка Катя из блокадного Ленинграда оказалась в Сибири и стала жительницей Крапивинского района, рассказывает школьница из п. Зеленогорского Т. Кусова.

Об учреждении орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского подготовил статью селькор из п. Каменного Б. В. Доброхотов. Из цикла "Следы войны" - "Журавлиная песня" Владимира Романчина из Баннова.

В поисках отца провел долгие годы Павел Вечкапов, житель села Борисова. И нашел его захороненным в братской могиле Калужской области.

О своем супруге, об отце своих детей, фронтовике Федоре Степановиче Нестерюке ведет душевный рассказ Е. А. Нестерук из п. Крапивинского. Читайте эти и другие материалы сегодняшнего выпуска. И сохраните газету на память.

Мы чтим героев-крапивинцев. Чтим, как самых близких. И потому все статьи и заметки о них искренние и теплые. Теплота - от души. От сердца всех, кто взял в руки перо и написал всё, что мы сегодня публикуем. Пишите нам, читатели. Ваши заметки мы непременно представим в праздничном выпуске "Тайдона".

И. МОШНЕНКО.

Из хроники военных лет

... Мы все
при нём -
При Дне
Победы,
Как бы -
при знамени -
бойцы.

Михаил ЛЬВОВ.

Года прошли. А все как будто рядом.

ВСТРЕЧИ ветеранов войны и труда, отдыхающих в Борисовском санатории, мы проводим регулярно, но такой, какая прошла в марте, у нас ещё не было. А помог провести её поправлявший своё здоровье здесь в это время Романчин Владимир Петрович, ветеран из Баннова, известный читателям "Тайдона" своими стихами и рассказами.

Ещё давно, возглавляя на шахте при совете ветеранов культурно-массовую комиссию, он написал несколько сценариев, по которым проводил там встречи, а приехав в са-

наторий, предложил мне познакомиться с ними. Прочитав их, я была приятно удивлена: не специалист, но работник культуры даже - шахтер, а такие вещи! Один сценарий я сразу же выпросила для разработки в нашей самодеятельности, а литературно-музыкальную композицию для ветеранов войны и труда Владимир Петрович предложил провести в ближайшем времени. Она была ранее хорошо "обкатана" (так он сказал), требовалось лишь подновить её в памяти.

И вот в назначенный день в банкетном зале санатория сошлось около 70 ветеранов Кузбасса. Работники пищеблока напекли блинов с творогом, разлили чай, главврач санатория В. П. Ларионов поблагодарил ветеранов за победу, поздравил с приближающимся юбилеем, пожелал побольше записаться в санатории здоровьем.

Признаться, предоставляя слово Владимиру Петровичу, я немного волновалась: человек мало знакомый, репетиций не было, ветераны не школьники, народ требовательный, как-то все пойдет?

Но с первых же слов своей композиции Владимир Петрович завладел

вниманием слушателей:

Нас не морили
в каторгах и ссылках,
Нас не бросали
за решетки ржавые,
В семнадцатом году

не подносили
Мы маузер к виску
самодержавия...

Я наблюдала за лицами ветеранов и видела, как они отрешались от обыденности, сосредоточивались, силась осмыслить: о чем это? А голос уже властвовал над залом:

...Но вот когда
над родиной Советов
Нависла тень войны,
В тот грозный час
Встать в строй
И быть за многое

в ответе -

Мы подросли -
Пришла пора для нас.

Тут, наверное, каждый вспомнил, как он, оставаясь заплаканным родных и близких, уходил на фронт, украдкой смахнув и свою собственную непрошеную слезу.

А стихи сменялись песнями, песни - стихами. И все это на память, без шпаргалок, под собственный аккомпанемент на гармошке, хорошо поставленным голосом. И голос этот уводил далеко-далеко. Туда, где более полувека назад "кровь и пепел стекались

в гранит", где в огне и дыму выковывалась победа. И лица ветеранов то суровели от гордости за совершенное, то грустнели, когда "зрачок туманила слеза". И не только туманила, но у многих и катилась по старческим щекам, застревая в морщинах. Это когда прозвучало одно, пожалуй, из самых впечатляющих стихотворений Владимира Петровича Романчина "Снег":
Года прошли,
А все как будто рядом:
И боль,
И бой в полях
российских тех.
Повсюду, где,
Куда ни кинешь
взглядом,
Тела, тела...
И в бурных пятнах снег.

Дважды, чтобы сделать психологическую разрядку, мы прерывали композицию другими номерами: пляской, баснями. Так было задумано автором. А после них лица слушателей опять сосредоточивались, суровели. Вот звучит женская тема: Мы выспимся вволю,
Дойдя до победы.
Смахните слезинку
Тампоном из ваты.
Останутся в прошлом
И горе, и беды.
Крепись по-солдатски,
Хирург медсанбата...

Это стихи. А следом была песня. И не из тех, что на слуху, что часто звучат на телевидении или по радио, а из фронтовых, окопных:

И взвалила на девичьи
плечи,
И во фляжке согрелась
вода.

Эту встречу
И тот зимний вечер
Не забыть мне теперь
никогда.

УВЕРЕНА: на всю оставшуюся жизнь в памяти у всех присутствовавших в тот час в клубе санатория останется эта встреча с человеком, немало пережившим на фронте, немало подумавшем о друзьях-товарищах. И подумавшем глубоко, прочувствованно. Недаром же, когда в заключение Владимир Петрович исполнил авторскую песню, то и у самого на глаза навернулись слезы и голос задрожал: Мы все смогли.
Но ныне враг постылый
Не целит в нас,
Как много лет назад.
А я стою над свежей
могилой...

Вставай, комбат!
Ну что же ты, комбат?..

Галина ПУСТОВАЛОВА,
заведующая клубом
санатория
"Борисовский".

Бился на Ладого, бился на Волхове

Фото из семейного архива

В ПОИСКАХ ОТЦА

Похоронка пришла в конце мая 1943 года: "Ваш муж, рядовой Вечкапов Иван Андреевич, 1912 года рождения, пал смертью храбрых 5 мая 1943 г. Захоронен в д. Кренки Смоленской области". Подпись командира и т. д.

Долгие годы мы разыскивали отца в Смоленской области. Но кто-то перепутал и вместо названия деревни Хренники написал Кренки, да к тому же в 1950 году из Смоленской области было произведено перезахоронение останков в образованную Калужскую область.

Пишу в Центральный архив министерства обороны СССР, что в г. Подольске. И вот пришел ответ в Заводской райвоенкомат г. Новокузнецка, где я в то время жил. Привожу его дословно:

"Направляем письмо Вечкапова П. И. по установлению судьбы отца. По документам учета безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской Армии установлено, что сапер 1266 СП 385 СД рядовой Вечкапов Иван Андреевич, уроженец Новосибирской области (Кемеровской тогда еще не было), Борисовского сельсовета, призван в Советскую Армию Крапивинским РВК Новосибирской области. Погиб 5 мая 1943 года; захоронен: д. Крен-

ки Кировского района Смоленской области (ныне Калужской)". Далее рекомендовано: по уточнению места захоронения обратиться в Калужский ОВК.

Найти отца мне завещала мать. И вот в 1988 году беру отпуск, еду в Калужскую область. Спасибо ребятам из горвоенкомата: помогли установить место захоронения отца: д. Соломоновка Гавриловского сельсовета Кировского района. Ребята из горвоенкомата: помогли добраться до Соломоновки. Там прихожу к председателю совета ветеранов войны и труда, Петру Ильичу Истомину, представляюсь, кто я и зачем пожаловал.

Да, товарищ подполковник (я тогда работал в органах внутренних дел), за 45 лет вы - второй человек, приезжающий к нам в поисках родных.

Достал Петр Ильич великолепно оформленную тетрадь. В ней все сведения о 259-ти захороненных в братской могиле - 5 офицерах, 33 сержантах, 221 солдате. И среди них - мой отец. Нашел!

Во дворе школы братская могила. Любовно ухоженная. Памятник есть - воин с мальчиком на руках. Посыпал я на могилу нашей кузбас-

ской земли. Взял с отцовской могилы горстку земли, поблагодарил Петра Ильича и его жену, директора школы, и пошел на станцию...

Приехав в Борисово, пошел на кладбище:

- Ну вот, мама, Варвара Андреевна, исполнил я твою просьбу. Побывал в гостях у отца, от тебя привет передал.

Посыпал земли, всплакнул и уехал к себе в Новокузнецк.

Сейчас я живу в Борисове и постоянно размышляю: не может быть, чтобы из тысяч погибших и захороненных в Калужской земле лежит только один представитель Крапивинского района, мой отец Вечкапов Иван Андреевич.

Дорогие земляки, возможно кто-то еще разыскивает своих погибших родственников. Советую обратиться по адресам: 142100, г. Подольск Московской области, Центральный архив министерства обороны СССР (России) или г. Москва, ст. метро Кропоткинская, Гоголевский бульвар, д. 4, Комитет ветеранов войны.

Если же кому-то понадобится моя помощь в розыске, я всегда буду рад оказать ее вам.

П. ВЕЧКАПОВ,
с. Борисово.

Ноябрь 1941-го... Ленинград в плотном кольце блокады. Все курсанты Ленинградского Краснознаменного пехотного училища, а среди них и Федор Нестерюк, поднялись на защиту Ленинграда. Авиация врага сбрасывала многокилограммовые бомбы, обстрел города велся из танков и штурмовых орудий. Наши воины строили укрепления и сдерживали натиск врага. Вот тогда-то впервые лейтенант Федор Степанович Нестерюк был ранен. С ноября по февраль 1941 года он, командир взвода разведывательной роты, находился на Волховском фронте. Участвовал в каждой разведке: командованию доставлялись ценные сведения. После ранения лейтенант находился на излечении в госпитале.

Наши потомки никогда не забудут величие духа, легендарной крепости народа и стен Сталинграда. Советская армия выдержала и отбросила назад всю военную мощь Германии. От разрыва авиабомбы командир роты Ф. С. Нестерюк был контужен. Контузия головного мозга оказалась серьезной, с глухотой на оба уха, с потерей речи. Однако после выздоровления Федор Нестерюк снова попал на Ленинградский фронт.

Спустя годы после тех событий, я расспрашивала своего мужа Федора Степановича, как все было тогда. И он рассказывал:

- По льду Ладожского озера была проложена 45-километровая дорога жизни в Ленинград. Автомобили круглосуточно доставляли грузы в город. Снег слепил глаза, ветер Ладоги пронизывал насквозь, нередко водители обмораживали руки, но

продолжали путь, ведя машину локтями. Широкие трещины во льду преграждали путь автомобильным колоннам, и тогда водители по пояс в воде наводили мосты. И снова шли машины с грузом.

Обстановка на Ладогое осложнялась. Враг становился более жестоким. Рота старшего лейтенанта Ф. С. Нестерюка прикрывала дорогу жизни, обеспечивая продвижение транспорта. Там, на Ладогое, слепым пулевым ранением Ф. Нестерюку повредило лицо. И вновь госпиталь. Войну Ф. С. Нестерюк закончил на Втором Белорусском фронте в звании капитана, в должности заместителя командира батальона по строевой части.

За участие в боях Федор Степанович имел благодарность Верховного Главнокомандующего, награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, боевыми медалями "За оборону Ленинграда", "За оборону Сталинграда".

После окончания войны последовала служба в особой воинской части в должности командира роты в группе оккупационных войск в ГДР. Но прежде чем Ф. С. Нестерюк отправился по месту прохождения дальнейшей службы, он навестил родной поселок Крапивинский.

Долгожданный отпуск! С какой радостью он ехал к родителям в Крапивино! Как давно он здесь не был! Ведь призывался Федор на войну из Ленинградского военного училища, куда был отобран из Новосибирского техникума физкультуры и спорта. Приехав к родителям в Крапивино, Федор Степанович в 1946 году женился.

Так я, Катя Лукина, стала женой офицера и последовала за ним к месту службы. Через несколько лет воинская часть, где служил мой муж, была

переведена в Союз, в город Калинин. Позже часть расформировали. Все офицеры подали рапорт об увольнении в запас и разъехались по родным местам. Вернулась в п. Крапивинский и наша семья, к тому времени у нас уже был сын Владимир.

Федора Степановича поставили на учет в райвоенкомате, а в райисполкоме предложили работу. Он возглавил комитет по физкультуре и спорту. После работал инспектором в ЦСУ, товарищем в Крапивинской МТС. Награжден медалью "За освоение целинных и залежных земель". А в 1962 году, когда район был расформирован, наша семья была переведена в Ленинск-Кузнецкий отдел образования. Там мы работали в школе. Федор Степанович преподавал трудовое воспитание. В семье у нас было уже трое детей. Кроме Владимира, дочь Ольга, сын Олег.

У нас в семье были замечательные традиции. Мне очень приятно вспоминать сейчас о том времени. Особенно сейчас, накануне празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Ведь на величественном знамени Победы есть святая кровь участника Великой Отечественной войны Федора Степановича Нестерюка, моего незабвенного мужа, отца наших детей. Федор Степанович до славного зыбился не дожид. Но в памяти крапивинцев, в памяти своей семьи, которую он так любил, Федор Степанович жив.

Он любил Родину. Любил п. Крапивинский. Любил жизнь. Любил нас. И любовь эта всегда была взаимной.

Е. НЕСТЕРЮК,
п. Крапивинский.

Вл. Романчин

Журавлиная песня

Отчий край,
Село мое родное,
Сколько б я ни ездил,
Где б ни был -
Под эскортом верности
сыновья
Под твоё родное небо снова
Я всегда с поклоном
приходил.

Приносил мечты -
На обновление,
Думы - на проверку.
Приходил
Получить твоё благословенье
И на новый путь
набраться сил.

И теперь вот -
Снова расставанье...
И звучит над желтизной полей
Как упрек
И как напоминанье
Грустный выкрик
стаи журавлей.

Птицы,
Дорогие мои птицы!
Мне простят и край мой,
И село:
Ведь птенец,
Как только оперится,
Пробует подняться на крыло
Не за тем,
Чтоб вновь в гнездо
вернуться.
Да и помню,
Помню я ещё
Немоту в глазах застывшей
грусти

И слезинки,
Жеющие плечо.
Тай же вы тогда летели
клином,
Эта ж вот дорога
вдаль вилась...

Это здесь
Под окрик журавлиный
Первая любовь оборвалась...
А ведь как все мило было,
просто:
Бьет валец брызгучее белое,
По-над кручей -
Травы выше роста,
А внизу река.
Тогда её
Я, мальчишка, мнил ещё
за море.

Ожидая свой "девятый вал".
С волнами вступал
в единоборье,

Глинистые кручи штурмовал.
Набивал мозоли на покосах,
В кузнице учился гнуть металл,
А тайком мечтал о русских
косах,
О героических подвигах
мечтал.

И не знал,
Что все уж это рядом,
Как тальник на том вон
берегу.
Девушка лукавым,
смелым взглядом
Подмигнула,
словно поманила,
Зацвело вдруг всё
Как по весне...
Птицы, вы скажите,
Это было,
Или мне пригрезилось во сне?
След в росе,
Прохлада,
Запах мяты,
На губах оставшаяся
сласть?

...Только нам,
Родившимся в двадцатых,
Не из легких юность
досталась.

Детство осеклось
Как будто разом,
Словно пляс в расстроенном
кругу.

Мы ушли, шинели запылав,
С милыми простившись
на бегу.
Вместо луговых цветных
настоёв

Мы вдыхали гарь,
А вместо рос
Мы топтали кровью
политое,
Взрытое металлом поле боя,
Да дороги,
Мокрые от слез.
Было нам
Не до ребячьей буки -
Шквал войны гремел
и бушевал,
Штурмовать пришлось
какие кручи!
И суровым был Девятый вал.
Были мы из плоти,
Не из стали.
Многие из сверстников моих
Вместо милых
Мертвыми устами
Целовали камни мостовых.

Мы рвались,
Ночей недосыпая,
К той черте далекой,
К той меже,
За которой
(Где она - такая?)
Ни смертей нет,
Ни войны уже.
За которой каждого солдата
Кто-то ждал,
В года слага я дни.
Луг, ромашки,
Пряный запах мяты -
Не одним нам грезилось они.
Вот и мне светил,
Одоевая
Дни и версты, тот зовущий
взгляд.

Только письма почта полевая
Приносила бережно назад...
Журавли,
Зачем печальной песней
Вы кого-то клечете окрест?
Даже вам из ваших
поднебесий

Не дозваться тех,
Кого уж нет.
Ни любимых,
Ни друзей,
Ни близких.
В том, видать,
И наша есть вина,
Что на серых плитах
обелисков

Не одни мужские имена.
Птицы,
Дорогие мои птицы,
Знаю я,
Что осень,
Что года,
Что и в снах уж больше
не приснится

Луг и взгляд манящий,
Как тогда.
Сбыться не всему,
О чем мечталось,
Что-то мы нашли,
Чего-то нет.
Мне теперь другие снятся
дали,
По масштабу сил моих
и лет.
Но немного грустно
от того, что -
Пршлое - надежный
адресат,
И оттуда никакая почта
Не вернет нам
Никаких утрат.

Майский сон

- Как живешь, ветеран? - с таким вопросом я обратилась к ветерану Великой Отечественной войны, ветерану труда, инвалиду II группы Блинову Егору Самойловичу, что живет в Перехле. -

- Так и живу. Здоровье? Какое здоровье? Болят раны, болит печень, легкие - задыхаюсь, болит голова. Спасибо, лекарства дают бесплатно, ими немного поддерживаюсь. Вот квартира донимает нас со старухой. Стоит на бугре, и чтоб выровнять (дом двухквартирный), с нашей стороны поднят фундамент на 120-130 см. А фундамент не залит цементом, только сложены камни. Картошка замерзает, пол ледяной, вода замерзает. Недавно купил машину угля, так уже дожигаю. Скот приходится гонять поить на речку, оттуда и воду приносим, а это метров 800-900. Раз дом поднят, то и крыльцо из 8 ступенек. Нет сил по ним поднимать воду и уголь. Упала труба, уж год хожу к директору и в стройчасть, прошу сложить там 20 кирпичей. Ведь сгорим не только мы, но и соседи. А тут с сеном беда. Директор сказал, чтобы мы бросили покосы, где руками косим, что привезут нам по 40 ц сена бесплатно. Обрадовались. Но сено привезли ужасное: черное, грубое, один огот. (Я видела, сено точно такое). Стебли в палец и один цвет - пух. Корову-кормилицу успели спасти, ей глотку забило этим пухом, да еще стебель поперек горла застрял, затолкали руку, вытащили, а вот телочка погибла.

Родился Егор Самойлович в Калужской области в 1922 г., отец умер, когда Егору было 14 лет. Жил с матерью, она работала в колхозе. В апреле 1941 г. был призван на действительную службу. Отойдя немного, Егор оглянулся на родную деревню. Мать стояла у ворот и глядела сыну вслед: она прощалась с ним в своем сердце (будто сердце матери чувствовало долгую, мучительную разлуку), но ни слез не утирала с лица, не махала рукой, она стояла неподвижно. Егор тоже постоял на дороге, в последний раз и надолго запоминая мать, какая она есть - маленькая, усохшая, любящая его больше всего на свете. Пусть хотя бы пройдет целый век, она все равно будет ждать его и не поверит в его смерть, если он погибнет.

С неохотой начал ветеран о войне.

- Ну, воевал, ну, ранен был. А кто с фронта без чугуна в теле пришел? Исходил в кирзовых сапогах полстраны, потом пол-Европы. Однополчан растерял всех до единого.

Помолчал, продолжил:

- Зашли командиры, сказали, что немцы перешли границу. Кто хочет пойти добровольцем на фронт, тому месячный отпуск. Конечно, все согласились. А ночью команда: "Подъем!" Сразу погрузили солдат в товарные вагоны и повезли под Москву, в Серпухов. Я был пулеметчиком. Хотя и не считал себя храбрецом, не скрою, и от пули гнулся, и от снаряда дрожь брала, и в землю впадался ногтями, вдавливался коленями, прижимался лицом. Но служба есть служба, она из земли подымает солдат и кидает в бой.

- Работай огнем! - команда командира. И, работая огнем, Егор успокоился и понял, что командир был прав. В бою надо быть неутомимо занятым своим делом - истреблением противника, тогда робость не войдет в твоё сердце.

Утром 4 декабря 1941 г. смерть приблизилась к Егору. Он был ранен осколком от мины в левую часть лица, в висок, в челюсть. И разрывной пулей в ногу. Пуля вошла в бедро и вышла в холку. И мир замер для него,

как умолкший, удаленный крик. Но жизнь сохранилась в нем, она ушла из сердца и оставила темным его сознание, однако она укрылась в тайном убежище его тела... Кругом лежали убитые и раненные солдаты. Сливают кровь раненные, и идет от неё пар. Весь день пролежал Егор на снегу. Слышал: вдалеке гудела артиллерия, били наши пушки. И его судьба зависела теперь от того, кто займет эту землю, на которой он лежал без сил.

Только в темноте санитары смогли подобрать его, когда стих огонь. Увели в госпиталь в Москву. Обработали, зашили раны и через четверо суток погрузили в товарный вагон, где были сделаны нары, укрыли теплыми одеялами (стояла железная печка) и привезли в Казань.

- Раненные ноги можно ещё как-то терпеть - вспоминает Блинов, - но раненое лицо причиняло ужасную боль при самом маленьком движении. Даже для того, чтобы вздохнуть, нужно было страдать и терпеть боль, точно разбитые острые кости каждый раз впивались в мякоть моего сердца. Кормили бульонами и жидкой манной кашей. Лечили меня здесь 5 месяцев. Целыми днями и вечерами в палате не смолкали разговоры: то громкие, то тихие, то грустные, то веселые. Больше всего о войне говорили солдаты. По несколько раз на дню наводили справки: что там, как там, на фронте? Они здесь лечились и ждали своего часа.

Егор часто вспоминал свой полк, где из осторожного новичка он превратился в опытного солдата, где он знал каждого и сам был знаком каждому. И нужно же было так случиться, что из госпиталя Егор получил направление в родной полк. Это было 22 мая 1942 г. Ещё с костылями прибыл он в полк под Калугу. И опять солдат Блинов стал отмеривать шагами версты. А военные дороги все пылили и пылили. Гудели моторы, громы-хали колеса, звенели подковы.

Освобождал Блинов Витебск, участвовал в боях на Курской дуге, освобождал Литву, Латвию, Польшу. Ветеран вспоминает:

- На нашем полковом знамени был портрет Ленина и слова: "За нашу советскую Родину!" И вот что скажу: когда бы ни шел в бой, видел это знамя, Ленина и слова: "За нашу советскую Родину!" После такого - никакого страха! В душу их мать! Гонишь и гонишь: "Прицел! Огонь! Огонь!"

Егор замечал, что каждый бой смыкает с узкой полоски земли самых лучших ребят. Уснули вечным сном близкие товарищи. Сколько горя пришлось пережить Блинову, навсегда расставаясь с погибшими друзьями, сколько раз дрожало его сердце, когда он всматривался в последнюю минуту в дорогое лицо друга перед вечной разлукой с ним! Он и не знал, как могло вместиться столь много чувства и памяти в одно солдатское сердце.

Горько Егору было воевать. Товарищи получали письма, он же за всю войну не получил ни одного. Не знал, где теперь мать. Жива ли? Калужская область была под врагом. Служба службой, а тоска по дому точит сердце каждого солдата. Она копилась в окопах, в землянках. Вот и тоскует сердце, рвется на встречу другому, может быть, такому же, истосковавшемуся.

Вот и Одер. Здесь было идти веселее, чем ходить по России в 41-м или в 42-м году. Путь солдата продолжался сквозь огонь на запад. Изменилась природа вокруг Егора, изменился вид городов и сел, и сам он изменился: дрался теперь спокойнее, точнее и лучше, чем когда-то под Москвой. Он уже сносил не одну пару сапог, но ноги его шли вперед хорошо.

Егор Самойлович рассказывал подробно:

- Переправились на левобережный плацдарм Одера, а оттуда на восточную окраину Берлина. 10 дней и ночей мы не спали. Конечно, все валились с ног. Держались уже на одном только напряжении. 10 дней, не прекращаясь ни днем, ни ночью, шли бои. Мы двигались к центру по загражденным улицам, пробивая стены, от здания к зданию - не через город, а сквозь него. Здесь был бой особый, он проходил и на земле, и под землей, в тоннелях, в подвалах, в подземных галереях, во мраке глубоких казематов и в бункерах. Мой пулемет строчил страшную строчку смерти. На наших глазах зло мира обращалось в руины. Гимнастерки наши пропахли дымом. Ватники насквозь пробиты пылью. Одежда снашивалась на нас от огневой работы металла. Все были грязны, измазаны кирпичной и известковой пылью. 10 дней никто не спал. Потому в полдень 2 мая, когда Берлин пал, когда стало тихо, я умылся, лег на землю и посмотрел на небо. Ясность неба и его бесконечность были родственны моей душе.

- Все! - сказал вслух Егор. - Свети теперь, солнце, а ночью - звезды! - И уснул.

Спали! Спали все - солдаты и командиры. Тут же, возле рейхстага. Спали вповалку. Прямо на площади. Голова к голове. Без просыпу - весь день. О каком молодом поколении и какого народа можно достоверно сказать, что его жертвами и героизмом, его усилиями, соединенными с трудом и подвигом старших поколений, были спасены Родина и человечество от рабства, гибели и открыты дороги свободы в даль истории?..

До 28 ноября 1945 г. Блинов находился в Берлине, а потом демобилизовался. Поехал на свою родину, в Калужскую область. Его деревни не было, она была уничтожена войной. Поехал к тетке, материнной сестре, у неё дом сохранился. Но тетка ничего тоже не знала о матери. Егор через военкомат узнал, куда мать была эвакуирована. Он поехал за ней в Рязанскую область. Приехал и не узнал своей матери: так состарила её неизвестность судьбы сына. Поседела, словно в белом платке стала. Одни руки остались прежними. Все что-то шебаршат, делают. Но пожила мать только один год, умерла от воспаления легких. Что делать теперь Егору? Нет дома, нет теперь и матери, все разрушено войной.

Известно, солдаты на фронте быстро сходятся по каким-то особым, необъяснимым законам и наперво делятся, отсыплют из того же кисета махорки для нового знакомого. Такие знакомые были и у Егора. Они дали ему свои домашние адреса и просили к ним приехать, если будет плохо. И поехал Егор в Сибирь, в Кемеровскую область, в Крапивино, к другу Федорову Григорию. Стал работать на маслозаводе. После трех лет переехал в д. Васильевку. Тут познакомился с девушкой Аней, она работала дояркой, телятницей. Поженились, народились дочка Валя и Нина. У Вали была хроническая ангина, испугалась в августе в Томи и умерла, уже училась в 8 классе. Нина живет в Белово. В 1967 г. переехали в Перехляй. Егор работал скотником, жена дояркой. С Анной Сергеевной прожили более 40 лет. Теперь старики живут одни, по силе возможности держат скот.

Дорогой Егор Самойлович! Вы прожили трудную жизнь, прошли дорогами войны и, несмотря на раны, все время трудились. От всей души желаю вам здоровья, терпения и успехов во всем.

М. ТЮМЕНЦЕВА.

МЕЧЕНЫЙ

"Комсомол! Чем ты помог фронту?" Прочитав такой плакат, Василий решил окончательно: на фронт он пойдет, несмотря на слезы матери, причитающей: "Ты же у меня один! Кто же будет моим помощником?" Действительно, Василий остался у матери один из живых из семерых детей. Те все умерли от болезней. Василию было уже 17 лет, и он понимал, что для матери он единственный сын. И все же не мог он равнодушно проходить мимо плаката: "Комсомол! Чем ты помог фронту?" Вот и пришел тайком в военкомат. Сам же боялся одного: вдруг не пройдет комиссию? Росточка Василий был небольшого - 1 м 49 см. Пошел на хитрость: в валенки под пятки подложил деревянные чурочки. Благо, на комиссии в военкомате не заставили разуться.

Уехал Василий Живаев из дому без прощания. В Новосибирске новобранцев погрузили в вагоны, ещё незадолго до этого возившие телят. Состав в пути шуточно окрестили "Пятисотый веселый". Останавливался он у каждого столба. Путь лежал неблизкий. Приехали в Новый Ржев Ленинградской области. Настолько истощали за дорогу, что три дня потом ребят откармливали под наблюдением врачей. Переодевали. Вооружили пятилиннейкой, которая для Василия оказалась длиннее его роста. Перебросили в Прибалтику. Там лейтенант сказал прибывшим: нужны наводчики: Василий им и стал.

В бою на территории Латвийской республики под городом Кристополе артиллериста Василия Живаева ранило в ногу: "Фердинанд", вражеская самоходная установка, оставила первую отметину на Живаеве. После двух месяцев, проведенных в госпитале, Василий вернулся в свою часть, получил новую пушку. И снова бой. И снова ранение. А было так.

В противотанковом бою возле орудия остались только двое - наводчик Живаев и заряжающий. После взрыва снаряда взрывной волной заряжающего контузило. А Василия ранило, кровь хлынула горлом. Вокруг никого не было. Постепенно солдата оставили силы. Хорошо, что тогда были обучены собаки: обнюхивая ещё живых среди убитых, они вели к живым, но раненым бойцам санитаров. Вот так и подошла собака к Василию. Обнюхала. Живой! Метнулась, принесла в зубах фляжку с водой. Снова убежала в укрытие. Следом за ней пришел боец, теперь уж с четырьмя собаками и санками. Наклонился к Ва-

силию: "Ты с какой бригады?" Василий ответил: "Из 17-й артиллерийской" "О, так ты не наш!" - ответил солдат и ушел.

И потом только шел второй боец и случайно увидал Василия, совершенно ослабшего. В санбате его стали спрашивать: откуда, кто такой? Василий рассказывал, в том числе и про солдата-украинца с четырьмя собаками, отка-

завшегося подобрать его. В санбате в этот час оказался генерал, так как рядом был штаб дивизии. Генерал, услышав рассказ Василия, тут же выяснил, что был тот солдат, оставивший раненого на поле боя. И на глазах у Василия из собственного пистолета расстрелял того солдата.

Ещё один неординарный случай вспоминает Василий Андреевич Живаев:

- Однажды через линию фронта перешел узбек, добровольно сдавшийся немцам. Вскоре он вернулся оттуда с дощечкой на груди. На ней было написано: "Вам не вояка, нам не язык!" Его, конечно, тоже расстреляли. За предательство.

Василий Андреевич, после войны работавший в Крапивинском райотделе милиции, до сих пор в теле своем носит военную мету: в легком находится инородное тело. Врачи побоялись изымать во избежание осложнений.

- Парадокс, - говорит Василий Андреевич, - я был у матери один и вернулся живым. А те, кто со мной уезжал вместе, обратной дороги не узнали.

Пусть металлическая память, которая по сей день остается в организме нашего бывшего сотрудника Василия Андреевича Живаева, никогда не принесет ему боль.

С. КРУГЛИКОВ,
зам. начальника
милиции.

Я только раз видала
рукопашный.
Раз наяву. И тысячу - во сне.
Кто говорит, что на войне
не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Юлия ДРУНИНА.

Судьба

ВСЕ мы знаем, как тяжело жилось во время войны, но все же не всегда хорошо представляем весь ужас той жизни. Я хочу познакомить вас с рассказом Екатерины Андреевны Тюменцевой, жительницы блокадного Ленинграда.

- Родилась я в Ленинграде 25 ноября в 1932 году. Жила и росла на Нарвском проспекте в коммунальной квартире. Комнатки в коммуналке были маленькие: в одной мы с мамой, в другой мои дед с бабушкой. В углу комнаты у нас стояла круглая печь, которая также была у бабушки. Дед любил и баловал меня. А какие вкусные блины пек дед мне на угольках!

Началась война. Дед категорически выступал против того, чтобы делать запасы. Он был уверен, что война продлится недолго, что немцев мы сразу разобьем. Но когда фашисты стали подходить ближе к Москве, у нас начался голод. Под Ленинград захватчики пришли в начале 1942 года.

Первой из нашей семьи умерла мама. Мама сильно простыла, заболела воспалением легких. Тогда медикаментов не было, да и она сама в своей болезни не сознавалась. Мы все уехали в деревню под Ленинградом. Родственники не особо ласково нас встретили. Мы с бабушкой каждый месяц ходили в город получать продукты по карточкам. Однажды мы не смогли вернуться в деревню, так как трамвайные линии уже не работали - немец стоял на подступах к городу. Мы с бабушкой очень волновались, но бабушка меня успокаивала: "Не сегодня, так завтра поедем". Но на завтра пришел дедушка, а за плечами плачущий сверток - мой годовалый брат. Бабушка спросила: "Все?" - "Да", - ответил дед. Я сразу поняла, что мамы не стало, забилась в угол к окну и рыдала. А бабушка меня успокаивала: "Нет мамы, но ведь у нас есть и ты, и Коленка".

За мамой умер Коля. Мальчик совсем ослаб. Первые дни хныкал, а потом перестал. Вскоре его не стало. Дед на кухне из какой-то мебели делал гробик. А у меня в глазах Коленка в саване стоит и сейчас. Бабушка отяжелела, стала полной, опухла из-за голода. Мы и питались-то чем? Клей столоярный разводили и ели. У бабушки водянка началась, она слегла. Дедушка водил меня кушать на фабрику-кухню. Во время войны за деньги там кормили. Утром мы уходили, а к вечеру, отстояв огромную очередь, приходили. Однажды вернулись, а бабушка умерла. "Ну уж если Паша не выдержала, то, внучка, придется мне тебя спасать", - сказал дед. Утром он зарегистри-

ровался на эвакуацию.

Собираясь, я все фотографии семьи положила в маленькую сумочку. Дед знал, что повезут в Сибирь, и собирал теплые вещи, взяв столоярный инструмент. Увидев у меня сумочку с фотографиями, вырвал ее из рук и бросил: "Хоть бы самим добратся". Как шли до вокзала, не помню. Ходили мы уже плохо. От голода сознание отключалось...

Ехали мы на товарняке. Как перебирались через Ладожское озеро, не помню. Хотелось есть. Деньги не брали, а вещей, которые можно поменять, не было. На одной из станций дед ушел за кипятком. Поезд тронулся. Дед уже взялся за поручни, а сил подняться нет. Женщины уцепились за него, кое-как втащили в вагон.

Привезли нас в Ленинск, а там на подводах отправили по деревням. Так и попали мы в Новобарачаты. Поставили нас на квартиру. Дед плотничал, кому раму, кому дверь. Ходил и в колхоз работать. Давали нам на питание отходы - муку с овсяного, но люди в колхозе хорошие, кто молоко давал, кто настоящей муки. В 1943 г. дед заболел. Его увезли в больницу, там он и умер. Я осталась в этой семье жить. Но вскоре приехала инспектор из Крапивина и расплакалась: "Как можно! Дед умер, ребенка нужно в детский дом". В тот же день забрала меня и привезла в Крапивинский детский дом. Он был переполнен. Костелянша поселила меня в классную комнату, отгородив от класса простынями. Костелянша тоже была из Ленинграда и после войны засобиралась домой. Я стала проситься с ней, но опекуны ей не доверили, старая была.

С обучением я сильно задержалась. В 1946 году я заканчивала 5 класс. В этом же году нас увезли в ремесленное училище в Ленинск-Кузнецкий. Два года я проучилась в училище токаря. После года в ремесленном у меня нашелся отец. У него, правда, семья уже другая была. Я стала проситься домой, к отцу, но он сказал, чтобы заканчивала училище, и даже не обмолвился, что, мол, потом заберу. В 1948 году я закончила училище, приехала в Крапивино, устроилась токарем МТС. Тихая и спокойная, я долгое время работала в совхозе. А потом замуж вышла. Трое детей у меня, правда, разлетелись по Сибири.

Война-то всю жизнь мою перевернула...

Екатерина Андреевна Тюменцева и до сих пор работает. И если бы не война, то кто знает, как бы сложилась ее судьба...

Т. КУСОВА,
ученица 10 "а" класса
Зеленогорской
средней школы.

52 года назад, в грозный период Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 июля 1942 года учредил три новых военных ордена для награждения командиров Советской Армии за выдающиеся заслуги в организации и руководстве боевыми операциями. Они были названы в честь великих полководцев Суворова, Кутузова, Александра Невского.

Статусы этих орденов содержали конкретное описание подвигов и заслуг, за которые могло быть произведено награждение. Так, например, орден Суворова и Кутузова имеют три степени, высшей из которых является первая.

Первое награждение орденом Суворова состоялось в декабре 1942 года, когда развернулось наступление наших войск в районе Среднего Дона. В ходе боевых действий перед 24-м танковым корпусом была поставлена сложная боевая задача - прорвать оборону противника, выйти в его тыл, к железнодорожной станции Тагинская, и уничтожить крупный немецкий аэродром. 24 декабря передовые части танкового корпуса ворвались в Тагинскую и захватили вражеский аэродром. В подготовке и проведении этой операции блестящие способности проявил командир корпуса генерал-майор танковых войск В. М. Боданов. Смелые и решительные действия его корпуса сыграли важную роль в разгроме вражеских войск под Сталинградом. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1942 г. генерал В. М. Боданов был награжден орденом Суворова II степени, став первым его кавалером. 24-й танковый корпус был переименован во 2-й гвардейский Тагинский танковый корпус.

За военное искусство в планировании и подготовке операций, умелое руководство войсками по разгрому окруженной под Сталинградом группировки фашистских войск, за нанесение врагу сокрушительных ударов на Дону и Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих

Лук и за прорыв блокады Ленинграда 23 января 1943 г. 23 советских военачальника впервые были награждены орденом Суворова I степени. Среди них представители ставки Верховного Главнокомандующего маршал Советского Союза Г. К. Жуков, генерал армии А. М. Василевский и маршал артиллерии Н. Н. Воронов, командующие фронтами генерал армии К. А. Мерецков, генерал-полковник Н. Ф. Ватутин, генерал Л. А. Говоров, Ф. И. Голиков, А. И. Еременко, К. К. Рокоссовский, генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, команду-

Первое награждение орденом Кутузова было произведено 28 января 1943 г. Сразу 17 советских военачальников стали кавалерами ордена Кутузова I степени. Среди них командующие фронтами генерал армии И. В. Тюленев, генерал-полковник М. А. Пуркаев, начальники штабов генерал-лейтенанты И. В. Галанин, К. Н. Галицкий, А. С. Жалов. Орден Кутузова I ст. № 1 был вручен командующему 24-й армией Донского фронта генерал-лейтенанту И. В. Галанину. Тремя орденами Кутузова I ст. был награжден маршал Советского

А много ли наших земляков-крапивинцев имеют эти высокие награды? Пока мы мало располагаем данными, потому что часть офицерского состава погибла в боях за Родину, многие офицеры после войны поступали в военные академии и служили в Советской Армии или оставались жить в других республиках, краях и областях. А пока у меня такие данные. Герой Советского Союза Алексей Анисимович Булахов из с. Аил в годы Великой Отечественной войны, командуя ротой, батальоном, а потом 97-м гвардейским стрелковым полком (31-я гв. стр. див.), был награжден орденом Суворова III степени и орденом Александра Невского. Житель Аила Алексей Филимонович Алексеев, командуя ротой в 194-й стр. дивизии, в 1943 году получил приказ форсировать реку Десну и закрепиться на западном берегу. Рота на надувных рыбацких лодках и плотах ночью начала переправляться, действовали быстро. Противник, опомнившись, открыл беспрерывный огонь, но было уже поздно. Рота с криком "ура" выбила немцев и закрепилась в заболоченной пойме. Семь дней и ночей рота, которой командовал капитан А. Ф. Алексеев, отражала атаки противника, и каждый раз враг, оставив на поле боя убитых, отступал. Получив подкрепление, рота выбила немцев с занимаемых высот и вместе с другими подразделениями освободила деревню Шептаки недалеко от г. Новгорода-Северского. За этот подвиг Алексей Филимонович Алексеев был награжден орденом Александра Невского.

Минуло более 50 лет, как были учреждены советские военные ордена, носящие имена прославившихся русских полководцев. Но сколько бы еще ни прошло времени, они всегда будут напоминать грядущим поколениям о бесстрашном подвиге советского народа в его борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

Подготовил статью
селькор Борис
ДОБРОХОТОВ.

Боевые ордена

ющие армиями В. И. Чуйков, М. С. Шумилов и другие. При этом орден Суворова I степени № 1 был вручен Г. К. Жукову, орден Суворова I степени № 2 получил А. М. Василевский, а № 3 - Н. Н. Воронов.

В годы войны некоторые выдающиеся советские военачальники повторно удостоились этой высокой награды. Так, тремя орденами Суворова I ст. были награждены маршалы Советского Союза А. И. Еременко, В. Д. Соколовский, С. К. Тимошенко, В. И. Чуйков, маршалы авиации К. А. Вершинин, А. Е. Голованов, А. А. Новиков, маршал артиллерии В. И. Казаков, генералы армии П. И. Батов, В. Я. Колпакчи, А. Л. Лучинский. Обладателями двух орденов Суворова I ст. стали маршалы И. Х. Баграмян, Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, И. С. Конев, К. А. Мерецков, К. С. Москаленко, генералы армии А. И. Антонов, А. В. Горбатов, А. С. Жалов, Д. Д. Лелюшенко, И. А. Плиев и др. Всего орденов Суворова I степени вручено 391, II степени - более 2800 и III степени - более 4000. Также орден Суворова получили свыше 1500 воинских частей, соединений, военно-учебных заведений.

Союза В. Д. Соколовский, двумя орденами Кутузова I ст. отмечены заслуги маршалов М. В. Захарова, К. С. Москаленко, И. С. Конев, генералов армии Д. Д. Лелюшенко, В. Я. Колпакчи и др.

Всею орденом Кутузова I ст. произведено около 670 награждений. II степени - свыше 3300. И такое же количество награждений орденом Кутузова III степени. Орден Кутузова получили более 1500 воинских частей и соединений.

Орденом Александра Невского награждались командиры дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов, проявившие в боях за Родину личную отвагу, мужество и храбрость, и за умелое командование в боях. Кавалерами ордена Александра Невского первыми стали командир батальона морской пехоты старший лейтенант И. Н. Рубан и командир отд. стр. батальона 62-й армии капитан С. П. Цыбулин.

Всею во время Великой Отечественной войны за мужество, отвагу и заслуги в боях с гитлеровскими захватчиками было произведено более 42 тысяч награждений орденом Александра Невского. Свыше 1400 воинских частей и соединений также удостоились этой награды.

Скамейка

испортилась. Подул ветер, небо заволжало тучами, началась пурга. Да такая, какую мы отродясь не видели. Ни дороги, ни солнца, сплошное мрачное снежное месиво. А ветер все набирал да набирал силу, и вскоре забушевал ураган.

Перебегались. Держимся за сани, как бы не подныло нас за шубейки и не унесло. Скамейка, сбившись с дороги, стоит по брюхо в снегу. Дрожит, тоже, видимо, струсилась. Так продолжалось полчаса, а потом ветер начал стихать. Уменьшился и снегопад. Но светлее не становилось, наступала ночь.

Везти сундук - груз не тяжелый, к тому же мы помогли Скамейке. Но вскоре она, то и дело сбиваясь с дороги и выбираясь из сугробов, выбилась из сил. Что делать?

- Давай сделаем шест, будем искать им дорогу, - предложил брат.

Пока делали шест, уже стемнело. Говорю брату: - Далеко не отходи, за-

буду слышать. Я буду подвывать голос, ты отвечай.

Прошло минут пять, кричу:

- Николай!

Ответа нет, сплошной гул в ушах.

- Николай!!

И снова нет ответа. Потом уже выяснилось, что он слышал мои вопли, а я его ответа слышать не мог, так как голос его отбрасывало все еще мощным встречным ветром.

Пошел на поиски. Но не отошел я от сани и десяти шагов, как Скамейка заржала! И столько в этом ее ржании было тоски, страха и, как мне показалось, укора, что мне стало не по себе. Подумала, наверняка подумала, что бросили ее, впряженную в сани, оклеветать в степи! А может быть, почуяла волков? Их много тогда рыскало по полям и лесам.

Вернувшись, успокаиваю, похлопываю ласково по шее. Скамейка лезет влажными ноздрями в лицо, треплет губами варежки.

всхрапывает умиротворенно. Не бросили...

И тогда я решаюсь: никаких дров и никаких сани. Надо выпрячь Скамейку и пустить ее вперед на вожжах. А самому, держа за них и не дергая их никак, идти сзади.

Подождал брат. Одобрил.

Так вот и шли мы все три километра под вой стихающего урагана. Промаяхнется Скамейка, ступнет мимо дороги, провалится в снег, но сразу же выскакивает из сугроба, без сани ей это делать стало легче. Да и нечасто сбивалась она с дороги, словно чуяла ее. Может, потому и шла со слегка опущенной головой?

Вернулись домой среди ночи. На конный двор Скамейку не повели. Устали, да и Скамейке было до длинных прогулок. Завели ее в хлев, дали сена, напоили - отдыхай. Дрова привезли утром.

Часто слышишь, что у животных ума нет, чуть ли не одни инстинкты. Мой же рассказ говорит об обратном.

А. ШЕВНИН.